

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.88>

Соловьева Наталия Владимировна

СЕМИОТИКА СИМВОЛОВ РУССКИХ И БРИТАНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Статья посвящена выявлению и сопоставлению наиболее часто используемых в русских и британских народных сказках символов, рассматриваемых как центральное образование всего комплекса знаково-языковых выражений культуры. Понятие "символ" отграничивается от смежных понятий "знак", "аллегория" и "художественный образ". Предлагается авторская классификация средств актуализации символов в сказочном универсуме, включающая артефакты, натурфакты и ментифакты. Уточняется семантическая структура символов в двух фольклорных традициях, раскрывается их амбивалентность, способность интегрировать христианские и языческие смыслы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/88.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 423-428. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1/-9

Дата поступления рукописи: 26.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.88>

Статья посвящена выявлению и сопоставлению наиболее часто используемых в русских и британских народных сказках символов, рассматриваемых как центральное образование всего комплекса знаково-языковых выражений культуры. Понятие «символ» отграничивается от смежных понятий «знак», «аллегория» и «художественный образ». Предлагается авторская классификация средств актуализации символов в сказочном универсуме, включающая артефакты, натурфакты и ментифакты. Уточняется семантическая структура символов в двух фольклорных традициях, раскрывается их амбивалентность, способность интегрировать христианские и языческие смыслы.

Ключевые слова и фразы: волшебная сказка; христианский символ; языческий символ; артефакт; натурфакт; ментифакт; амбивалентность.

Соловьева Наталия Владимировна, к. филол. н., доцент
Московский государственный областной университет
natavs@list.ru

СЕМИОТИКА СИМВОЛОВ РУССКИХ И БРИТАНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Сказочный универсум – это система символов, интерпретация которых позволяет выявить знания, накопленные в народной культуре за многовековую историю ее развития: «Сказочное повествование имеет значение и для рассказчика, и для его аудитории... вряд ли можно представить себе людей, запоминающих и передающих сказку из поколения в поколение, если ее содержание не значимо для них» [31]. Как известно, одна из основных черт сказки – установка на вымысел, имеющий реальное жизненное основание и разворачивающийся в тесной связи с действительностью: «...не установка на вымысел является главной чертой сказки, а установка на раскрытие жизненной правды с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла...» [11, с. 75]. Сказка может описывать современное событие, в подлинности которого сказочник уверен; может повествовать о событии, случившемся в недалеком или далеком прошлом и менее достоверном или недостоверном из-за давности лет; ее могут предварять слова сказочника о том, что вся фабула сказки или некоторые ее детали вымышлены.

Символика сказки, оказывающая мощное воздействие на человека, неизменно привлекает внимание исследователей разных направлений: антропологов [21; 25; 30]; фольклористов и этнографов [20; 29; 32], религиоведов [17], психоаналитиков [15; 18; 22], методологические подходы которых приводят к различным толкованиям этой символики. Ее изучали и изучают философы, культурологи и литературоведы.

Настоящее исследование опирается на работы, выполненные в русле сопоставительной фольклористики и семиотики и посвященные выявлению глубинной семантики сказочного повествования, описанию системы сказочных символов, хранящих и передающих информацию о народной культуре. Его актуальность определяется тем, что символы сказки, в основе которых ценностные ориентиры того или иного исторического периода развития нации, позволяют осознать пути развития народной культуры и проанализировать механизм трансляции народного опыта при помощи сказки.

Именно символы, концентрированно выражающие культурные ценности и смыслы в языковой форме, могут рассматриваться как центральное образование всего комплекса знаково-языковых выражений культуры. Несмотря на устойчивый интерес исследователей к этой тематике, было бы преувеличением утверждать, что проведен комплексный и целостный ее анализ. Так, насколько нам известно, до сих пор не проводилось сопоставительного анализа христианской и языческой символики, актуализирующейся в текстах народных сказок.

Как мы полагаем, значимые сказочные символы, прежде всего, связаны с системой верований и моральных ценностей человека, т.е. несут религиозную и нравственную смысловую нагрузку. Руководствуясь вышеизложенными соображениями, мы обратились к выявлению, сопоставлению и систематизации наиболее широко используемых в русских и британских народных сказках слов-символов, а также к выявлению их амбивалентности и способности интегрировать христианские и языческие смыслы.

Для достижения поставленной цели мы уточнили термин «символ» в ряду смежных понятий, таких как «аллегория», «знак» и «художественный образ»; определили семантическую структуру вербализованного символа; выделили и сопоставили британские и русские сказочные символы, интегрирующие языческую и христианскую символику, установили их общие и специфические черты.

Согласно определению, приведенному в «Философском энциклопедическом словаре», символ – это «категория, раскрывающаяся через сопоставление со смежными категориями художественного образа, с одной стороны, знака и аллегории – с другой» [14, с. 607].

Символ отличается от знака тем, что знак как элемент утилитарной знаковой системы однозначен, а символ, как правило, многозначен. Он возникает при взаимодействии двух полюсов в содержательной структуре – предметного образа и глубинного смысла. Переходящий в символ предметный образ приобретает смысловую перспективу.

Понятие аллегории трактуется как «условная форма высказывания, при которой наглядный образ означает нечто “иное”, чем есть он сам» [Там же, с. 20]. Аллегория и символ объединяет то, что их содержание

зафиксировано культурной традицией. При этом аллегория существует в виде своего рода формулы, которая сначала кодируется и вкладывается в образы, а затем декодируется и извлекается из них. Подчеркнем, что аллегория обычно создается несколькими образами, объединенными в сюжет. Символ рассматривается применительно к одному образу или мотиву.

Художественный образ трактуется как элемент художественного произведения, обладающий самостоятельным значением, и знак, служащий для осуществления коммуникации в рамках одной или нескольких родственных культур. Однако, в отличие от знака, художественный образ относится к идеальной, а не материальной действительности и каждый раз заново воплощается в воображении адресата, владеющего «культурным кодом» – ключом к его содержанию [Там же, с. 761].

Художественный символ – вербально выраженный образ, в лингвистическом смысле представляющий собой слово с символическим значением. Ведущим аспектом значения символа становится референтный аспект: объект, обозначаемый словом-символом, значим как выражение определенной идеи. Эта особенность отражается в семантической структуре слова-символа, объединяющей предметное и абстрактное значения и реализующей в контексте некий символический смысл. В основе реализации символа в художественном, в том числе и сказочном, контексте лежат ассоциации, закрепившиеся за образом в национальном сознании и формирующие символическое значение. По утверждению Н. А. Шабановой, символическое значение – синтез денотативного и обобщенно-символического планов выражения и осложняется в контексте дополнительными индивидуально-авторскими ассоциациями, проявляющимися на семантическом уровне в виде дополнительных коннотативных сем [16, с. 8]. Полагаем, что граница между денотативным и коннотативным элементами в структуре символического значения размыта, а коннотации слова-символа могут быть установлены только в широком контексте в зависимости от роли, выполняемой им в семантическом поле всего художественного произведения.

Материалом исследования послужили русские и британские волшебные сказки, включенные в сборники «Народные сказки Британских островов» Дж. Риордана (1987), “English Fairy Tales” Дж. Джейкобса (2015), “Irish Fairy Tales” Дж. Джейкобса (2011), “The Book of Fairy and Folk Tales of Ireland” У. Б. Йейтса (2016), общим объемом 1348 страниц, и «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (2017) общим объемом 1500 страниц.

Из текстов сказок были отобраны наиболее частотные слова-символы. Была разработана классификация средств актуализации символов в сказочном пространстве, включающая: символы-артефакты (предметы, обладающие магическими свойствами или выполняющие важную роль в сказочном пространстве); символы-натурфакты (природные стихии и явления, обнаруживаемые в сказочном пространстве) и символы-ментифакты – вербализованные мысли героев, влияющие на развитие сюжета сказки. Мы разделяем точку зрения религиоведа и этнографа М. Элиаде, утверждающего, что языческие верования, не подавленные искоренению, христианизировались и до сих пор бытуют в устном народном творчестве [17, с. 171-172]. Более того, предполагаем, что некоторые содержащиеся в сказках символы, связанные с христианской культурой, могут передавать информацию и о дохристианском культурном слое.

Первая группа анализируемых нами объектов-символов включает предметы, обладающие сверхъестественными свойствами. Как показал анализ, наиболее распространенными среди них являются наименования артефактов – печь, очаг, oven, furnace, меч-кладенец, sword, brand.

Эти символы присутствуют и в библейских текстах. Так, в Евангелии от Матфея печь символизирует испытания и беды: «...изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов...» [5].

В английских и русских сказках печь (или очаг), oven, furnace – это центр жилого пространства, средоточие жизни семейства, символ пищи и жизненной энергии. Например, в английской сказке “Jan Coe” семья фермера собирается вокруг очага, чтобы поделиться необычными историями, в частности, о голосах, раздающихся из глубин расположенной рядом с фермой реки: “...the kitchen is illuminated by the cheerful blaze from the furnace... seated on the settle are the farmer and his eldest son... evidently enjoying the genial warmth...” [9, с. 46]. / Кухня освещена радостно потрескивающим пламенем печи... на скамье сидят фермер и его старший сын... очевидно, наслаждаясь согревающим теплом... (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. С.).

Прилагательные *cheerful* – *радостный*, *genial* – *сердечный, добродушный* и глагол *enjoy* – *получать удовольствие, наслаждаться*, используемые по отношению к огню очага, содержат положительные коннотации и создают впечатление уюта и благополучия.

Печь служит укрытием для Джека, героя сказки “Jack and the Beanstalk”, спасающегося от людоеда: “...they heard the giant’s footsteps and his wife hid Jack away in the oven” [23, с. 64]. / Они услышали шаги великана-людоеда, и его жена спрятала Джека в печи.

Джек трижды спасается, спрятавшись в печи. Таким образом, один и тот же мотив повторяется с незначительными вариациями, замедляя ход сказочного повествования и подчеркивая значимую роль печи в сказочном локусе – доме людоеда (применяется прием сказочной ретардации в терминологии Р. М. Волкова [2, с. 12]).

В сказке “The Brewery of Egg-Shells”, желая выяснить, подменили ли волшебные существа фейри ее ребенка, мать следует совету знахарки: “Put down the big pot, full of water, in the furnace, and make it boil; then get a dozen new-laid eggs, break them and keep the shells... put the shells in the pot of boiling water, and you will soon know whether it is your own boy or a fairy” [27, p. 57]. / Поставь большой горшок с водой в печь и доведи до кипения; затем возьми дюжину только что снесенных яиц, разбей их и сохрани скорлупу... положи скорлупу в горшок с кипящей водой, и скоро узнаешь, твой ли это сын или подмениш.

При этом проявляется очистительная сила огня очага, нейтрализующая чары и помогающая узнать правду, что сближает сказочный символ с ветхозаветным.

Примечательно, что для обозначения очага в сказках часто используются лексемы *oven* и *furnace*, разные по происхождению, но сходные по значению. Так, англ. *oven* имеет исконное происхождение (сравним с др.-англ. *ofen* «очаг» и др.-в.-нем. *ovan* «очаг») [7, с. 274] и встречается в текстах английских сказок. Лексема *furnace* – частично ассимилированное французское заимствование *fornais* «печь, очаг», восходящее к латинскому *formāx* «печь; обжиг в печи» [26, р. 1212], встречающееся в текстах сказок, бытующих в западных графствах Англии и в Ирландии. Вне зависимости от места создания и распространения сказок символика печи (очага), *ovan*, *furnace* совпадает: печь согревает и защищает.

В славянской традиции печь также играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома: «...как вместилище... домашнего огня она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия» [10, с. 364]. Символика печи связывается главным образом с ключевыми моментами жизни человека: рождением (печь – символ женского лона и рождения младенца) и смертью (печная труба символизирует дорогу в загробный мир). Так, в сказке «Ивашко и ведьма», в которой у бездетных старика и старухи появляется сын, старик рубит лутошку (молодую липу, предназначенную для того, чтобы содрать лыко), кладет ее в подпечек и на третий день обнаруживает там ребенка: «Старик поглядел в подпечек и увидел там небольшого мальчика» [8, с. 109]. Причем, поскольку речь идет о маленьком мальчике, появляющемся волшебным образом, место его появления на свет не печь, а подпечек – «узкое и низкое пространство под русской печью (для ухватов, кочерг и т.п.)» [1, с. 876].

Обладает печь и защитными свойствами. Героиня сказки «Гуси-лебеди» просит печь спрятать ее от гусей-лебедей, крадущих детей:

- «– Сударыня печка, спрячь меня!
- Съешь моего ржаного пирожка!

Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь села в устьецо» [8, с. 115].

Подчеркнем, что необходимое условие получения помощи у печи – уважительное обращение к ней.

Лежание на печи символизирует безделье, что в сказках порицается: «Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!» [Там же, с. 153].

Другой значимый артефакт, в котором интегрирована христианская и языческая символика, – меч. В Евангелии от Матфея Иисус предостерегает спутника, обнажившего меч: «...возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» [4]. Героя сказки “The Laidly Worm” Чайльда Уинда, собирающегося сразиться с драконом и доставшего меч из ножен, предостерегает его сестра Маргарет, превращенная в дракона коварной мачехой. Она просит его убрать меч и поцеловать ее три раза:

- “O, quit your sword and give me kisses three;
- For though I am a poisonous worm, no harm I’ll do to thee” [23, с. 186]. /
- Отбрось свой меч и поцелуй меня три раза;
- Хотя я ядовитый змей, вреда не причиню тебе.

Оба контекста, библейский и сказочный, содержат призыв к милосердию, добру, побеждающему зло. Так, благодаря тому, что брат отказался от схватки с драконом, его сестра обретает прежний облик.

В Толковом словаре Священного Писания и мифологии зафиксировано, что меч указывает на конфликт между правдой и ложью: «Мечом означает истина, сражающаяся с ложью и побеждающая ее» [19, р. 737].

В сказке “Childe Rowland” король эльфов, обманом захвативший сестру и братьев Чайльда Роуланда, вынужден вступить с ним в схватку: “«Strike then, Bogle, if thou darest,» shouted out Childe Rowland, and rushed to meet him with his good brand...” [23, с. 123] / Бейся, Богл, если посмеешь, – закричал Чайльд Роуланд и бросился к нему навстречу с мечом...

Потерпев поражение, король эльфов просит пощады у Чайльда Роуланда, и тот сохраняет королю жизнь при условии, что он оживит старших братьев и расколдует сестру. Здесь вновь описывается торжество добра над злом: добытая мечом победа венчается проявлением милосердия. Примечательно, что использованная в контексте лексема *brand* – поэт. «меч» происходит от протогерманского корня **brandaz* «жар, обжиг» (сравним с др.-норвежск. *brandr*, др.-в.-нем. *brant*, др.-фриз. *brond* «головешка; лезвие клинка», нем. *brand* «огонь») [26, р. 321]. При этом меч в какой-то степени уподобляется очистительному огню, защищая человека и поражая его врагов.

В славянской мифологии меч символизирует власть и защиту, покровительство, в том числе и божественное покровительство. Власть должна сочетаться с мудростью, служить на благо общины [10, с. 299]. Полагаем, именно это значение волеизъявления, власти отразилось в присказке «Мой меч – твоя голова с плеч!» [8, с. 223].

Меч – символ не только охранной, но и атакующей. Так, Иван Быкович и его названные братья отправляются в чужие земли и вызывают на поединок чудо-юдо, разоряющее и берущее в полон людей: «...как пошло время за полночь – он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост» [Там же, с. 144]. В русских народных сказках, повествующих о борьбе с чудом-юдом (змеем), всегда присутствует градация: сначала появляется противник о трех, затем о шести и, наконец, о двенадцати головах. Соответственно увеличиваются и трудности, преодолеваемые главным героем. В эпизоде финального поединка меч описывается как «острый», богатырь им «рубит», «сшибает», «отсекает», «разнимает» на части [Там же, с. 148]. Такое количество контактно расположенных в контексте синонимов подчеркивает неотвратимость наказания за беды, причиненные людям.

Наиболее известный богатырский меч, фигурирующий в русских сказках, – меч-кладенец, «служащий герою для одоления сильного противника и наказания тех, кто нарушил свое обещание или предал» [1, с. 430]. Корень одной из основ, «клад», подразумевает, что такой меч необходимо добыть. Осквернение такого меча не допускается: «...он наехал на меня сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму молодцу, загубить его!» [8, с. 197].

Среди наиболее часто используемых в сказках натурфактов, насыщенных символикой, – вода и лес. В христианской традиции лес олицетворяет опасность: «Прогонит ли кто голодного льва в лесу?..» [12]. Деревья в лесу становятся не только источником древесины, но и превращаются в идолов: «Он рубит себе кедры, берёт сосну и дуб, которые выберет между деревьями в лесу... и часть из этого употребляет он на то, чтобы ему было тепло... И из того же... делает идола, и повергается перед ним» [6].

В сказках лес – это «чужое» пространство, место обитания диких зверей и волшебных существ, настроенных враждебно по отношению к человеку. Так, один из персонажей английских сказок Матушка Катберт встречается в лесу ведьм и, прельстившись их обычаями, соглашается обратиться в ведьму: “The first thing she saw was a tree rising out of the ground... it multiplied into a very thick wood round her... there she found a great many women all dancing and reveling...” [9, с. 165]. / Первое, что она увидела, было дерево... оно превратилось в очень густой лес вокруг нее... там она обнаружила множество женщин, танцующих и празднующих.

Подобно ветхозаветному примеру, героиня сказки, добропорядочная женщина, находит в лесу идола – ведьму Черных гор и сама решает стать ведьмой, обменяв душу на вечную жизнь в радости и богатстве. Как указывает М. М. Маковский, существует связь между лесом (др.-англ. *widu* «лес; дерево, древесина») и деревом какместилищем души (сравним др.-англ. *widu* и и.-е. **uid-/*ued-* «душа») [7, с. 400].

Герой английской сказки “Jack the Giant-Killer” Джек отправляется в лес, чтобы сразиться с живущим там великаном: “This giant was the lord of an enchanted castle situated in the midst of a lonesome forest” [23, с. 101]. / Этот великан был хозяином заколдованного замка, расположенного посреди одинокого леса.

Заметим, что лексема *forest* «лес» восходит к французскому *forêt* «лесистая местность» и созвучна латинскому *foris* «за пределами». От лат. *foris* произошла лексема *foreign* «чужой», что еще раз подтверждает статус леса как «чужой», враждебной территории [26, р. 1160].

Как подтверждает проведенное исследование, во многих английских сказках лес – место обитания сверхъестественного существа, «чужое» сказочное пространство, представляющее опасность для человека, что созвучно христианской трактовке этого символа.

И в русских сказках лес – опасное место: «...возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят» [8, с. 99]. Здесь детали «нанизываются» по очереди, образуя цепочку описания. Лес характеризуется как «дремучий», т.е. глухой, непроходимый, дикий [1, с. 284]. Перед тем, как героиня одноименной сказки Василиса Прекрасная отправляется за огнем к бабе-яге, она крестится, прося помощи в выполнении трудной задачи: «Василиса собралась... и, перекрестившись, пошла в дремучий лес» [8, с. 99]. В то же время волшебный лес, возникающий из переброшенного через плечо гребешка, защищает сказочных героев: «Уж медведь грыз-грыз, насилиу прогрыз себе узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучий лес... а царские дети далёко-далёко!» [Там же, с. 274].

Второй значимый натурфакт – вода в сказках обоих народов обычно символизирует жизнь: «...вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» [3]. В сказках символика воды имеет много общего с библейской. Так, вода, которой мать омыла ноги своего ребенка, разрушает чары и оберегает дом, как в сказке “The Horned Women”: “...to break their spells, she sprinkled the water in which she had washed her child’s feet...” [24, р. 34]. /...чтобы разрушить их заклинания, она разбрызгала воду, в которой омыла ноги своего ребенка...

Используемая в обряде крещения вода очищает человека и принимает его в лоно христианства. В то же время в мифопоэтической традиции вода служит границей между землей и подземным миром [28, р. 469]. В сказках мы обнаруживаем подтверждение амбивалентной символики воды: “...drink a drop... while in Elf-land you be and never will you see Middle Earth again” [23, с. 120]. / ...выпей каплю... пока ты будешь в стране эльфов и никогда больше не увидишь Средиземье.

Волшебник Мерлин предостерегает Чайльда Роуланда, что если он выпьет хоть каплю воды, находясь в стране эльфов, то не вернется домой. Таким образом, символика воды в сказках демонстрирует разницу между христианским и языческим образами: вода не только оберегает сказочных героев, но и связывает их с другими мирами.

Магические свойства воды отмечаются и в русских народных сказках: вода может давать силу или забирать ее. Так, в сказке «Три царства – медное, серебряное и золотое» царевна золотого царства велит Ивану-царевичу поменять местами чаны с сильной и малосильной водой во дворе ее отца, Ворона Вороновича, и напиться сильной воды, чтобы одержать победу над ним [8, с. 134].

Оценка воды как целебного средства проявляется в ее свойствах сращивать части тела (мертвая вода) и оживлять человека (живая вода): «Ворон брызнул мертвой водою – тело срослось, съединилось; сокол брызнул живой водою – Иван-царевич вздрогнул, встал...» [Там же, с. 190]. По утверждению Е. Н. Трубецкого, центральная идея христианства – Воскресение, вечная жизнь, в которой весь мир полностью исцеляется, становится совершенным [13], а живая вода представляет собой точку соприкосновения языческого, сказочного и христианского.

В сказках обоих народов вода таит опасность, поскольку может давать силы врагу. Кощей просит Ивана-царевича позволить ему напиться воды, она возвращает ему прежнюю силу, и он освобождается. Просьба

выражается в форме мольбы, и сказочный герой проявляет милосердие: «Сжался надо мной, дай мне напиток!» [8, с. 186]. Доброта в христианской и фольклорной традиции вознаграждается: Кощей два раза прощает Ивана-царевича за то, что тот позволил ему испить воды.

Примечательно, что вода может оказаться целебной для одного героя и разрушительной для другого. Так, стрелца, брошенного по приказанию царя в кипяток, заговаривает его богатырский конь, и он не погибает, а превращается в красавца. Позавидовав ему, царь сам бросается в кипяток и погибает [Там же, с. 225-226]. Таким образом, в сказке воплощается апотропеический смысл воды, используемой в ритуалах купания, умывания.

Под ментифактами мы подразумеваем благословения и проклятия, т.е. слова, обладающие мощным духовным посылом и определяющие судьбу героев. Сила слова велика и в христианстве, и в язычестве. Произнесенное слово способно повлиять на жизнь человека или оживить его. По утверждению М. М. Маковского, существует связь между английским word «слово» и древне-английским wurd «судьба» [7, с. 401].

В сказке “Jack and His Comrades” мать спрашивает у сына, отправляющегося на поиски счастья, что он выберет: половину пирога, половину курицы и ее благословение или целый пирог, целую курицу и проклятие. Когда сын отвечает, что ни за что не позволит матери проклясть его, мать отдает ему целый пирог, целую курицу и благословляет его: “... here’s the whole lot of em, with my thousand blessings along with them” [24, p. 66]. / ... вот они целиком, вместе с моими бесчисленными благословениями.

Гипербола *my thousand blessings* подчеркивает вознаграждение, которое получает сын, почитающий мать. Полагаем, что здесь проявляются смирение и принятие воли родителей, типичные для христианской традиции.

Исполнение желаний героя связывается с божьей милостью, сказочное волшебство становится чудом в его христианском понимании и выражается словами молитвы: “I’m going to seek my fortune till harvest comes in, God bless it!” [Ibidem]. / Я буду искать счастья, пока не поспеет урожай, благослови его Бог!

Велика сила благословения и для героев русских волшебных сказок. Когда сказочный богатырь отправляется на битву, он проявляет христианское смирение и просит бога о помощи: «...оседлал своего доброго коня, надел на себя сбрую ратную, взял меч-кладенец... помолился богу и выехал против неприятеля» [8, с. 194].

Жена Федота-стрельца советует мужу уповать на божью милость, с помощью которой служба будет выполнена: «Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее» [Там же, с. 294]. Герой безоговорочно доверяет высшей чудесной силе, которая им руководит и помогает избежать беды.

Родительское благословение необходимо герою, отправляющемуся на поиски утраченного. Тем не менее решительно настроенный сказочный герой может им и пренебречь, если расценивает поиск утраченного как свой долг: «...батюшка, благословишь – поеду, и не благословишь – поеду» [Там же, с. 179].

Мы рассмотрели лишь несколько символов, наиболее часто используемых в текстах русских и британских народных сказок. Однако даже они убеждают, что в текстах волшебных сказок обоих народов присутствует как религиозно-христианская, так и дохристианская, языческая символика, причем во многом британские и русские сказочные символы сходны. В обеих лингвокультурах печь символизирует благополучие и защищает, меч ассоциируется с силой и властью, карает по справедливости, благословение и упование на божественную помощь сближают сказочное волшебство и христианскую веру в чудо.

Отметим амбивалентность рассмотренных символов: так, образ печи в русской фольклорной традиции символизирует благополучие, домашний уют, подразумевающие усилия героев для их достижения, и в то же время печь ассоциируется с ленью или очищающей силой огня; вода также обладает очищающей силой и связывает героя с потусторонним миром.

Незначительные различия в символических натурфактов и природных локусов мы объясняем их различной значимостью в сопоставляемых лингвокультурах. Лес в русских сказках таит множество опасностей, но, являясь волшебным образом, спасает сказочных героев, что нетипично для британских сказок. В британской фольклорной традиции не выявлено указаний на дихотомическое противопоставление качеств воды: сильной и малосильной, живой и мертвой.

Список источников

1. **Большой толковый словарь русского языка.** СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. **Волков Р. М.** Сказка: разыскания по сюжетосложению народной сказки. Одесса: Государственное издательство Украины, 1924. 239 с.
3. **Евангелие от Иоанна** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apologetica.ru/biblie/ioan4.html> (дата обращения: 23.02.2019).
4. **Евангелие от Матфея** [Электронный ресурс]. URL: <http://rusbible.ru/sinodal/mf.26.52.html> (дата обращения: 23.02.2019).
5. **Евангелие от Матфея** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/mt/13> (дата обращения: 23.02.2019).
6. **Книга пророка Исаии** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apologetica.ru/biblie/is44.html> (дата обращения: 23.02.2019).
7. **Маковский М. М.** Историко-этимологический словарь современного английского языка. М.: Диалог, 2000. 416 с.
8. **Народные русские сказки А. Н. Афанасьева:** в 3-х т. М.: Академический Проект, 2017. Т. 1. 495 с.
9. **Народные сказки Британских островов:** сборник / сост. Дж. Риордан; на англ. яз. М.: Радуга, 1987. 368 с.
10. **Славянская мифология:** энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
11. **Специфика фольклорных жанров:** сборник статей / отв. ред. Б. П. Кирдан. М.: Наука, 1973. 304 с.
12. **Третья книга Ездры. Глава 16** [Электронный ресурс]. URL: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/3ezr/15-16 (дата обращения: 23.02.2019).

13. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/sophia/trub.htm> (дата обращения: 16.02.2019).
14. **Философский энциклопедический словарь** / под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 804 с.
15. Франц М.-Л. фон. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. М.: Б.С.К., 2004. 364 с.
16. Шабанова Н. А. Традиционное и индивидуальное в семантической структуре символа: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2000. 21 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2014. 235 с.
18. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
19. **Dictionary of All Scriptures and Myths**. N. Y.: Gramercy Books, 1981. 846 p.
20. Dundes A. The Meaning of Folklore: The Analytical Essays of Alan Dundes / ed. by S. J. Bronner. Logan: Utah State University Press, 2007. 459 p.
21. Fraser J. G. Folklore in the Old Testament: Studies in Comparative Religion, Legend, and Law. L.: Random House Value Publishing, 1988. 476 p.
22. Freud S. The Interpretation of Dreams / transl. by J. Strachey. Harmondsworth: Penguin Books, 1991. 212 p.
23. Jacobs J. English Fairy Tales. М.: Книга по требованию, 2015. 288 с.
24. Jacobs J. Irish Fairy Tales. L.: Wordsworth, 2011. 232 p.
25. Lang A. Custom and Myth. L.: Echo Library, 2011. 160 p.
26. Partridge E. Origins: A Short Etymological Dictionary of Modern English. L. –N. Y.: Routledge, 2006. 4246 p.
27. **The Book of Fairy and Folk Tales of Ireland** / compiled by W. B. Yeats. L.: Bounty Books, 2016. 406 p.
28. **The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore** / ed. by P. Monaghan. N. Y.: Facts on File, Inc., 2004. 529 p.
29. **The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairy Tales** / ed. by D. Haase. Westport, Connecticut – L.: Greenwood Press, 2008. 1203 p.
30. Tylor E. B. Primitive Culture Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom. Mineola – N. Y.: Dover Publications, 2016. 522 p.
31. Vaz Silva F. V. da. Fairy-Tale Symbolism: An Overview [Электронный ресурс]. URL: <http://oxfordre.com/literature/view/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-79?rskey=WNhMbu&result=1> (дата обращения: 20.02.2019).
32. Zipes J. The Irresistible Fairy Tale: The Cultural and Social History of a Genre. Princeton: Princeton University Press, 2013. 256 p.

SEMIOTICS OF THE RUSSIAN AND BRITISH FOLK TALE SYMBOLS

Solov'eva Nataliya Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Moscow Region State University
 natavs@list.ru

The article identifies and compares the most frequent Russian and British folk tale symbols, which are considered as a key point of the whole set of symbolic and linguistic manifestations of culture. The notion “symbol” is differentiated from the adjacent notions “sign”, “allegory” and “artistic image”. The author suggests a classification of means to actualize symbols in fabulous universe, which includes artefacts, naturfacts and mentifacts. The paper clarifies the semantic structure of symbols in two folkloric traditions, discovers their ambivalent nature, ability to integrate Christian and pagan symbols.

Key words and phrases: fairy tale; Christian symbol; pagan symbol; artefact; naturfact; mentifact; ambivalent nature.

УДК 882

Дата поступления рукописи: 02.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.89>

В статье описан ряд образительно-выразительных средств, с помощью которых авторская концепция абсурдного и противоречивого мира в поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» получает свое художественное воплощение. Рассмотрены и проанализированы различные лексические, смысловые пласты, благодаря которым достигается эффект изображения действительности как воплощения непостижимых противоречий и абсурда; высокое и низкое у писателя, не разделенные и не противопоставленные друг другу, но образующие амбивалентное целое; словесная стихия, свободная от логики и причинно-следственных связей, что делает интерпретации поэмы неисчерпаемыми.

Ключевые слова и фразы: поэма; образительно-выразительные средства; стиль; жанр; абсурд; ирония; Вен. Ерофеев.

Халикова Умейсат Халиковна

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
 umkakhalikova@gmail.com

ПОЭТИКА АБСУРДА И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ПОЭМЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»

В начале XX века ощущение прежнего гармоничного мироощущения сменилось осознанием тотального хаоса, взаимной отчужденности и непреодолимого одиночества. Наступившая эпоха ознаменовалась